

Влияние орхоно-енисейских памятников на эпос тюркских народов

Саргылана Константинова Федоровна¹, Павлова Мария Михайловна²

1 - Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия;

2 - Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

E-mail: sargilana1987@mail.ru

Как известно, на горно-степных просторах Центральной Азии в раннее средневековье существовала империя кочевых тюркоязычных народов «*ök türk*» («синих тюрков») - Тюркский каганат, имевший свою развитую культуру, о чем свидетельствуют сохранившиеся письменные памятники, являющиеся ценным, непреходящим наследием современных тюркоязычных народов, расселившихся по всей Евразии. В орхоно-енисейских письменных памятниках (VI-VIII вв.) реализована литературная мысль той эпохи, которая носит общий характер для всех тюркских поэтов древности. Рунические надписи на каменных стелах следует рассматривать не только в системе культуры, языка, религии и традиционного мировоззрения народов Центральной Азии, но и как первые образцы художественного слова.

Жанрово-родовой синкретизм древних памятников позволяет исследователям предполагать, что орхоно-енисейские памятники существенно повлияли на формирование и развитие фольклорных жанров тюркских народов. Подтверждением этому является их типологическая схожесть с героическим эпосом тюркоязычных этносов.

Историко-героические поэмы древних тюрков по архитектонике, ритмике и стилю повествования близки к эпическим произведениям дописьменной словесной культуры тюркских народов. В этом отношении интересно влияние древних тюркских памятников на якутский эпос олонхо, киргизский «Манас», башкирский «Урал-Батыр», казахский «Кобланды-батыр», тувинский «Бокту-кириш, Боора-Шээлэй», алтайский «Маадай-Кара» и другие. Их общность заключается в главной смысловой концепции - борьбе добра и зла. Также можно обнаружить некоторые параллели в композиции, стилях и образах орхоно-енисейских рунических памятников и эпосов тюркских народов.

Во-первых, общим для древнетюркских памятников и народного эпоса является их композиционное строение. Изучая поэтику «Большой надписи в честь Кюл-тегина», ее композицию, И.В.Стеблева отметила, что в поэме содержится шесть самостоятельных рассказов, обязательно включающих три элемента повествования: зачин, развертывание содержания цикла, концовка [3, 55]. В якутских, киргизских, башкирских эпосах приключения героя также представляют внутренне законченные самостоятельные рассказы, независимые друг от друга с аналогичными элементами повествования.

Общей для древнетюркских историко-героических поэм и эпосов тюркоязычных народов является идея освобождения народа от иноземных захватчиков, внешних врагов. По своему содержанию данные произведения представляют воинскую повесть, где образы героев раскрываются в их боевых подвигах. Древнетюркские герои Кюл-тегин, Илтэрис показаны суровыми и беспощадными воинами, они не знают пощады к врагам - табгачам, огузам и др. Главная задача батыров в эпосах - защита народа от внешних врагов (китайцев, калмаков, дивов, мифических чудищ абасы, драконов, мангысов, шулбусов).

Эпическая идеализация героев присуща почти всем орхоно-енисейским памятникам. Часто правители изображаются в легендарно-эпическом духе: «Когда возникли вверху голубое небо, а внизу - бурая земля, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими мои предки Бумын-каган и Истеми-каган сели на царство» [1, 79]. А в якутском героическом эпосе человек произошел вместе с возникновением неба и

земли, когда земная твердь только что установилась [2, 32]. В древних памятниках восхвалялись военные и государственные успехи каганов, в частности, надписи о Кюль-тегине овеяны героическим духом, мужеством и отвагой воина-полководца. В якутском олонхо «Нюргун Ботур Стремительный» бог судьбы Дьылга-Тойон назначает героя защитником людей. В нем подчеркиваются необыкновенная сила и мощь, воля к борьбе и подвигам, беспощадность к врагам и готовность встать на защиту всех, кто попал в беду. Воины и батыры, вооружившись и оседлав коня, становятся на защиту своего народа. Встречая и преодолевая в пути невероятные трудности, проявляя героизм в кровопролитных сражениях, они, как правило, возвращаются победителями и удостоиваются славы героя.

Особое место в эпосе уделяется описанию коней, верных спутников-крыльев батыров. Верный своему хозяину конь Нюргун Ботура Дьураа Хара ни при каких тяжелых обстоятельствах не бросает своего хозяина. В тувинских героических эпосах имя коня произносят только рядом с именем богатыря («Танаа-Херел с конем Даш-Хурен», Кангывай Мерген с конем Хан-Шилги»). В орхоно-енисейских надписях также видим оседланных Кюль-тегином быстроногих и выносливых скакунов. Но в отличие от коней, фигурирующих в эпосе, в древнетюркских памятниках некоторые кони гибнут, не выдерживая напора жестоких боев, которые принимает батыр, или они падают, сраженные вражеской стрелой. Среди них самые верные и соответствующие храбрости и выносливости Кюль-тегина — белый жеребец Алып Шалшы, тулпары — Азман ак, Каракер, Жетимек.

Таким образом, исследуя влияние орхоно-енисейских памятников на эпос тюркских народов, можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, общим для рунических надписей и эпосов тюркоязычных народов является их композиционное строение, сюжетная линия, общая для них идея освобождения народа от иноземных захватчиков, внешних врагов.

Во-вторых, при сопоставлении выявляются общность социальных мотивов, типологическая схожесть системы образов. Эпос тюркоязычных народов сохранил главные черты древнетюркских памятников - поэтическое изображение подвигов защитников, утверждение идеала героического.

Данные факты свидетельствуют, что эпосы тюркоязычных народов сформировались под историко-генетическим влиянием единого поэтического канона, сложившегося в VI-VIII вв. в виде рунических надписей древних тюрков и заложили основы их национального художественного мышления.

Источники и литература

- 1) Антонов Н.К. Древнетюркский язык. Якутск, 1998. Пухов И.В. Якутский героический эпос Олонхо. М., 1962. Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков: историко-культурный контекст древнетюркской литературы. М., 2007.